

DOI: 10.31862/2500-2988-2021-12-1-133-146

А.М. Родригес-Фернандес

Московский педагогический государственный университет,
119435 г. Москва, Российская Федерация

Противоречивые тенденции социально-экономического развития арабских стран (конец XX – начало XXI вв.)

В 1990-е гг. после распада СССР и биполярной системы изменилась ситуация в арабском регионе. Фактически прекратилась финансовая помощь в виде ежегодных субсидий (около 2 млрд долл. в год) со стороны нефтедобывающих аравийских монархий своим далеко не процветающим, но противостоящим израильской угрозе соседям. В первую очередь это относилось к Палестинской автономии, Иордании, Ливану, Сирии, Ираку и Судану. Иссякла также военно-техническая помощь от стран распавшегося социалистического лагеря. Практически все арабские правительства в большей или меньшей степени необдуманно и расточительно компенсировали потери за счет займов от внешних кредиторов. В результате их долги достигли таких размеров, что они оказались неспособны его обслуживать. Западные кредиторы заявили, что реструктуризация возможна лишь в случае проведения экономической и политической либерализации. Такая политика «структурного оздоровления» вызвала негативную реакцию и опасения со стороны арабских обществ. Рыночные системы арабских стран формировались с учетом другой цивилизационной специфики. Приоритетными являлись коллективная солидарность, неразделимость «политического» и «экономического» в жизни социумов. Рыночная

© Родригес-Фернандес А.М., 2021

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

конкуренция подчинялась не индивидуальным, а традиционным культурным ценностям, патриархальным, клановым и мусульманским установкам. Во всех арабских странах попытки выполнения подобных предписаний резко ухудшили и без того кризисную социально-экономическую ситуацию. В результате правительства стали отказываться от полной либерализации, отстаивая необходимость собственных программ рыночных реформ.

Ключевые слова: экономика арабских стран, кредиты и долги Египта, Йемена, Иордании, Алжира и Туниса, реформы и либерализация Марокко, специфика «догоняющей экономики», мусульманские традиции, исламская цивилизация

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Родригес-Фернандес А.М. Противоречивые тенденции социально-экономического развития арабских стран (конец XX – начало XXI вв.) // Лocus: люди, общество, культуры, смыслы. 2021. Т. 12. № 1. С. 133–146. DOI: 10.31862/2500-2988-2021-12-1-133-146

DOI: 10.31862/2500-2988-2021-12-1-133-146

A.M. Rodrigues-Fernandes

Moscow Pedagogical State University,
Moscow, 119435, Russian Federation

Contradictory trends in the socio-economic development of Arab countries (late XX – early XXI centuries)

In the 1990s, after the collapse of the Soviet Union and the bipolar system, the situation in the Arab region changed. In fact, financial aid in the form of annual subsidies (about \$ 2 billion a year) from the oil-producing Arabian monarchies to their far from prosperous, but opposed to the Israeli threat to their neighbors, has practically stopped. This primarily applied to the Palestinian Authority, Jordan, Lebanon, Syria, Iraq and Sudan. Military and technical aid from the countries of the collapsed socialist camp also dried up. Almost all Arab governments recklessly and profligately compensated for losses by borrowing from external creditors. As a result, their debts reached such proportions that they were unable to keep them. At that time, Western creditors said that restructuring is possible only

if economic and political liberalization was carried out. This policy of “structural recovery” provoked a negative reaction and fears from Arab societies. The market systems of the Arab countries were formed taking into account other civilizational specifics. The priority was collective solidarity, the inseparability of “political” and “economic” in the life of societies. Market competition was governed not by individual values, but by traditional cultural values, Patriarchal, clan, and Muslim attitudes. In all Arab countries, attempts to implement such regulations sharply worsened the already critical socio-economic situation. As a result, governments began to reject full liberalization, arguing for their own market reform programs.

Key words: Arab economy, loans and debts of Egypt, Yemen, Jordan, Algeria and Tunisia, Morocco’s reforms and liberalization, the specifics of the «catching-up economy», Muslim traditions, Islamic civilization

FOR CITATION: Rodrigues-Fernandes A.M. Contradictory trends in the socio-economic development of Arab countries (late XX – early XXI centuries). *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2021. Vol. 12. No. 1. Pp. 133–146. (In Russ.) DOI: 10.31862/2500-2988-2021-12-1-133-146

С крахом биполярной системы в арабском регионе коренным образом изменился политический фон, на котором ранее выстраивались стратегии развития составляющих его стран. Дихотомия «социализм – капитализм» в условиях биполярности была выгодной арабским державам, поскольку позволяла им под лозунгами неприсоединения сохранять определенную автономию в международной сфере. После окончания «холодной войны» и развала СССР возможности маневрировать у арабских стран существенно сузились. В новых исторических условиях приток иностранной помощи в страны Ближнего и Среднего Востока значительно уменьшился. Более того, государства бывшего СССР из источника помощи превратились в конкурентов ее получения.

Новая расстановка сил на международной арене объективно оказывает содействие укреплению позиций Израиля в регионе, поскольку его поддержка со стороны США остается неизменной; в то же время политика Вашингтона относительно арабских государств становится более жесткой. Наконец, оправдывается озабоченность мусульманских лидеров по поводу создания Соединенными Штатами функционального эквивалента советской угрозе в лице «исламского терроризма», которая усиливается мессианскими планами Белого дома относительно демократизации арабских народов.

Закономерности общих тенденций мирового развития наложили свой отпечаток и на эволюцию арабских стран. За последние 30 лет их ВВП

в расчете на душу населения возрастал всего на 2% в год, беднейшие 20% жителей арабских государств получали лишь 7% национального дохода, а количество безработных здесь к концу XX в. составляло 14–15 % активного населения, или 12,5 млн человек [9].

Под влиянием падения цен на нефть в 1980-е гг., неспособности арабских властей обслуживать внешнюю задолженность своих государств и резкого снижения государственных затрат, в арабских странах провозглашались программы реформ, направленные на сокращение государственных дотаций и субсидий производственного характера, освобождение цен, свертывание ограничений на большую часть валютно-финансовых операций, введение рыночного курса национальных валют, продажу нерентабельных госпредприятий и т.д.

Импульсом для начала рыночных преобразований стало усиленное внешнее давление со стороны международных финансовых организаций и правительств западных стран. Как отмечал в этой связи сотрудник Университета Райерсона (Торонто, Канада) А. Болбол, экономические реформы в арабских государствах начались именно тогда, когда под угрозой оказались интересы их западных кредиторов [3].

Действительно, в начале 1980-х гг. нефтяные прибыли арабских государств упали больше чем на 40%. Страны, которые не экспортировали нефть, утратили возможность рассчитывать на помощь арабских государств-нефтеэкспортеров, сократившуюся с 1,5 млрд долл. в 1980 г. до 200 млн в 1994 г. Арабские правительства восприняли падение цен на энергоносители как временное явление и компенсировали недостаток иностранной валюты большими займами у стран Запада. В результате их внешний долг достиг таких размеров, что они оказались неспособны его обслуживать. Чтобы продолжить процесс получения займов, арабские страны должны были отсрочить и реструктуризировать свои предшествующие долги. Вот тогда-то МВФ, Парижский и Лондонский клубы кредиторов и заявили, что реструктуризация долгов возможна лишь в случае проведения экономической либерализации. В начале 1990-х гг. они стали связывать реструктуризацию долгов также с политической либерализацией.

Требования международных финансовых учреждений включали либерализацию валютного и импортного контроля, девальвацию национальной валюты, прекращение бюджетного финансирования низкорентабельных предприятий, разгосударствление промышленных, инфраструктурных и других объектов, улучшение климата для иностранных инвесторов.

Даже сейчас трудно судить, насколько арабские страны включились в выполнение навязанных международными институтами «проектов

структурного оздоровления», а в какой мере продолжали придерживаться собственных программ рыночных реформ, которые вовсе не ставили целью полную либерализацию экономики и отказ от государственного контроля над рынком. Даже в случае с наиболее удачным региональным примером приватизации – Египтом, на сентябрь 1999 г. в руки частных собственников перешло полностью или частично лишь 140 из 303 (по состоянию на конец 1990-х гг.) крупных предприятий [13, р. 15].

Остается проблематичным, насколько видение Вашингтоном «новой экономики» стран Ближнего Востока, стратегия формирования которой сосредоточена на трех направлениях: интернет, приватизация, туризм – отвечает, скажем, пониманию стратегии стимулирования частного предпринимательства в странах Персидского залива. Последняя включает диверсификацию экономической структуры региона с целью уменьшения его восприимчивости к внешним потрясениям; развитие и оптимальное использование трудовых ресурсов, повышение производительности труда; увеличение прибавочной стоимости благодаря повышению степени переработки местного сырья; удовлетворение спроса местного рынка и одновременное использование сравнительных преимуществ в размещении факторов производства с целью продвижения национальной продукции на внешние рынки; создание самоподдерживающейся промышленной и технической базы; поощрение регионального сотрудничества и географически сбалансированного развития [5, р. 228–242].

При любых оценках отсутствие радикальных сдвигов на таких направлениях, как свертывание социальных программ, прекращение предоставления субсидий нерентабельным государственным предприятиям, ликвидация дотаций на продукты первой необходимости, отмена протекционистской поддержки властями местного предпринимательства и т.д. едва ли свидетельствует о полноценном продвижении арабских государств по пути рыночных преобразований, определенных международными финансовыми институтами.

Достаточно свободное и широкое толкование правительственными кругами арабских стран программ «структурного оздоровления» было обусловлено их пониманием возможных отрицательных последствий. В том числе настораживали настойчивые попытки мировых институтов ввести экономику арабских стран в русло развития, сводящееся к размежеванию частного и государственного секторов, выбору между позициями «больше государства» или «меньше государства», противопоставлению либерализации правительственному вмешательству или, наоборот, государственного сектора – частному, – т.е. без учета социально-экономического контекста арабских стран, характера

существующих национальных структур и достигнутого уровня развития. Именно пониманием неизбежности отрицательных последствий широкомасштабной экономической либерализации был вызван отказ сирийского правительства от внедрения радикальных хозяйственных реформ. В стране, где ежегодное возрастание количества рабочих мест на 80 тыс. едва удовлетворяло треть спроса, где безработица достигала 20%, а работа в госсекторе была и остается источником существования почти половины населения – всесторонняя либерализация расценивалась как синоним анархии [10].

Более того, пробуксовки, а то и откат от «сценария реформ» к основам действующей модели, происходили и происходят в арабских странах по мере нарастания отрицательных тенденций в процессе хозяйственных преобразований, как это, например, имеет место в Тунисе, Марокко и Алжире, где темпы роста в пореформенный период (1986–1995 гг.) снизились по сравнению с дореформенными временами (1970–1985 гг.) до 4,1% (с 6%), 3,5% (с 4,6%), 0,8% (с 3,3%) соответственно [7, р. 27]. К 2015 г. снижение в целом замедлилось, несмотря на кризисные явления 2008–2009 гг., но существенного повышения не наблюдалось.

В современном мире процесс экономической глобализации явно связан с гегемонией неолиберальной философии, которая подчиняет социально-экономическое развитие императивам рынка в его западной разновидности. Характерными особенностями рыночных систем развитых мировых держав являются постепенное угасание признаков их специфики, отмежевание экономики от политической сферы, доминирование логики рынка над логикой функционирования политической системы общества, а рыночных стандартов – над ценностями солидарности в социальной сфере.

Однако рыночные системы арабских стран формировались с учетом другой цивилизационной специфики и функционируют на основе действия других закономерностей, связанных с приоритетами солидарности, неразделимости «экономического» и «политического» в жизни социумов, объединением рыночной конкуренции с традиционными культурными ценностями, менее индивидуальными и более патриархальными, чем в странах Запада.

Иерархичность в принятии решений, контроль над деятельностью индивида, подчинение эффективности персонализированным связям, патриархальные подходы, nepoтизм и протекционизм присущи как общественной жизни арабских стран в целом, так и функционированию их хозяйственных организмов, в частности.

Именно традиционные племенные и клановые отношения, которые глубоко укоренились здесь, а не злая воля группы «элитарных тиранов»

содействуют общественному воспроизводству авторитарного стиля организаций, руководства и поведения. Исламский семейно-трайбалистский менталитет, в соответствии с которым преимущество в процессе выбора принадлежит не человеку, а традиции, не рациональным аргументам, а инструкциям авторитетов, формирует у субъектов хозяйственной деятельности конформистские и социоцентристские, а не либеральные ценности. Социализация в семейно-племенной среде не готовит индивида к работе вне границ семейной и племенной группы. В его сознании преобладают установки «мы» и «они», а постоянные условия работы всегда считаются более предпочтительными, чем нововведения и риски. Какой-либо интерес вне кровно-родственной группы считается второстепенным, а любой подход, который не отвечает признанным нормам, воспринимается как угроза существующему авторитету и организационной стабильности.

В такой социальной среде установки наподобие «...рыночные реформы следует понимать как обособление “экономического” от “политического” в жизни страны, ...экономика должна стать независимой сферой, ...государство должно ограничиться ролью надзирателя за получением прибылей частным капиталом, ...должна состояться частичная приватизация самой государственной власти» [11] и т.п. выглядят как абстрактная утопия, попытки реализации которой могут не только подорвать лояльность населения к правительству и легитимность верховной власти, но и разрушить сам социальный каркас общества, в котором неразрывно объединены элементы образа жизни, традиций, солидарности, доверия и культурных ценностей.

В Иордании, например, попытки форсировать экономические реформы взорвались «хлебными бунтами» в городах Тафила, Карак, Мазар и Амман летом 1996 г. и в городе Маан в феврале 1998 г.; снижение субсидий на продукты питания и энергоносители в Йемене в 1998–1999 гг. привело к многочисленным вооруженным стычкам между племенными военизированными формированиями и регулярной армией; и наоборот, в Ливане сформированный в октябре 2000 г. премьер-министром Рафиком Харири новый кабинет министров предусмотрительно отказался от масштабных экспериментов в общественном секторе экономики именно ввиду возможных политических последствий, способных сдетонировать конфессиональные и клиенталистские структуры. Впоследствии подобные проекты рассматривались уже как «избыточные» и «несвоевременные», особенно в условиях резкого обострения внутривосточной ситуации и регулярных вооруженных конфронтаций в Ливане и вновь вспыхнувшей гражданской войны в Йемене.

Уже сам процесс экспансии новых участников в сферу экономической деятельности арабских стран является серьезным испытанием для их рыночных структур. Международные корпорации и торговые компании, генерируя в условиях экономической системы развитых государств избыточное производство, приобретают возможность расширения своих рынков сбыта за счет подрыва или уничтожения внутренней производственной базы принимающей стороны, т.е. путем разрушения местного производства, ориентированного на внутренние потребности. Да и, собственно, сами «новые рынки» «открываются» в результате вытеснения национальной хозяйственной системы: национальные производственные единицы доводятся до банкротства или принуждаются к перепрофилированию на потребности глобальных корпораций, государственные предприятия приватизируются или закрываются, а независимое аграрное производство приходит в упадок. То есть «экономика национального производства» поглощается «экономикой неолиберального рынка».

Даже в допустимых арабскими правящими кругами границах либеральные экономические реформы приводят скорее к мутации местных хозяйственных систем, чем к их приближению к западным эталонам. Так, в период экономической либерализации институт частной собственности в арабских странах еще в большей мере отдалился от перспективы его рациональной адаптации к местным хозяйственным условиям. Несмотря на заметную активизацию деятельности арабских бизнесменов, получивших в новой обстановке доступ к импорту средств производства, производственная функция частного капитала в общественном воспроизводстве деформировалась. Расширенный блок разных прослоек новой предпринимательской и бюрократической буржуазии, дополненный теневыми структурами, продолжает обогащаться, по-своему монополизируя госсектор.

В Марокко, например, на 1996 г. было приватизировано 25 крупных и наиболее прибыльных фирм в области энергетики и финансов, собственниками которых стали местные финансовые магнаты и королевская семья. Лишь небольшое количество акций приватизируемых предприятий оказалось на бирже в Касабланке, где их покупали мелкие бизнесмены скорее для спекуляций, чем для инвестиционных целей. В сущности, приватизация в Марокко ничего не изменила в управлении экономикой: члены королевской семьи, которые раньше управляли предприятиями как представители власти, просто стали управлять предприятиями на правах частной собственности. Не повысился в экономической жизни и уровень конкуренции: бывшие государственные монополии, перейдя к частным собственникам, так и остались монополиями.

В Египте же процесс экономической либерализации только усилил систему протекционизма. В результате ограниченному числу предпринимателей, чтобы завести прибыльное дело, необходимо найти партнера из верхних ярусов госадминистрации. Сформированная таким образом «бизнес-бюрократия», стремясь закрепить сложившееся положение дел, всячески мешает внедрению других схем развития частного предпринимательства.

Собственно, качество заинтересованности государственных элит арабских стран в процессах либерализации экономики именно тем и отличается от аналогичной реакции элитарных социальных прослоек развитых мировых держав, что оно не олицетворяет устремлений буржуа, подчиненных исключительно примату прибыли. Заинтересованность правящих кругов арабских стран в экономической либерализации – это заинтересованность социальной субстанции, которую американский востоковед Дж.А. Аббас квалифицировал как «правлящий трайбалистский класс» [1], усматривающий в либерализации не главный, а лишь один из многих источников укрепления своего положения. Он определяет стратегию развития страны, контролирует политические и экономические рычаги власти, поддерживает в обществе социальное равновесие, осуществляет защитные функции от посягательств на свое положение со стороны оппонентов, рекрутирует в сферу гражданского управления представителей родственных кланов, наконец, легитимизирует персональный экономический и политический статус личности.

В узкосоциальном аспекте видение этим классом целесообразности экономической либерализации подчинено заботам об усилении всего комплекса обеспечения своей жизнеспособности с персонифицированными властными отношениями, патримониализмом, кровно-родственными связями, трайбализмом, суровой иерархичностью групповых коалиций и альянсов. И там, где экономическая эффективность может нарушить эти базовые компоненты, она является неприемлемой.

Общегосударственному формату политики правящих кругов арабских стран присуще доминирование соображений национальной экономической безопасности. Но не только этих. Будучи, с одной стороны, участниками проводимых транснациональными компаниями глобальных игр, власти арабских стран декларируют свою благосклонность к принципам рыночного хозяйствования и либеральных экономических реформ. С другой стороны, сознавая опасность социальных взрывов и политических потрясений, они проводят осторожную и выборочную политику в области экономической либерализации, все больше склоняясь к реализации известных моделей смешанной экономики.

В существующей политической практике ни одно правительство в мусульманском мире не может отказаться от защиты интересов своей страны. Сколь бы привлекательной не казалась координация национальной политики с установками ведущих мировых держав или «общее регулирование» мирохозяйственных связей, пожертвовать непосредственными национальными преимуществами во имя «нового порядка», который неизвестно кому еще принесет большие дивиденды, с политической точки зрения весьма рискованно.

Таким образом, дальнейшее углубление экономической взаимозависимости сталкивается с преградами на политическом уровне. Если основные решения относительно судеб народов Арабского Востока будут приниматься не их правительствами, а международными финансовыми учреждениями, то о дееспособности национальных политических элит не может быть и речи, становятся также лишены содержания понятия национальной независимости и суверенитета, приобретенные в ходе деколонизации. Да и в каком качестве будет функционировать центральная власть в случае ее отказа от внутреннего суверенитета, который разрывает взаимосвязь между гражданским обществом и государством, или от внешнего суверенитета, парализующего функции государства как члена международной системы? Ни один режим не может переродиться в репродуктор навязанной ему политики, оставаясь при этом легитимным и популярным. Тем более, когда речь идет об откровенных посягательствах на национальные интересы.

Чрезвычайно рискованным является в политике Запада и принцип соединения требований углубления экономических реформ с требованиями политической либерализации. Хотя с позиций западных ценностей принято считать, что либерально-демократические формы правления – это обязательное условие достижения более высоких уровней социально-экономического развития, тем не менее опыт перехода от командной к рыночной экономике опровергает такую взаимозависимость. Наоборот, успешное развитие таких авторитарных стран, как Китай и Вьетнам, наглядно доказало, что авторитарные режимы могут быть более успешными, чем либерально-демократические, с присущими последними проблемами внутреннего социального неравенства и отставания от остального мира.

Во-вторых, «демократический инструментарий» оказался ущербным даже относительно пригодности к требованиям самой экономической либерализации. Хотя программы «структурного оздоровления» и проводятся под лозунгами демократизации, в реальной жизни они требуют усиления аппарата внутреннего принуждения. В то время, как проведение выборов на многопартийной основе остается обязательным

условием предоставления кредитов реципиентам международными финансовыми учреждениями, сами экономические реформы мешают демократизации, поскольку их осуществление невозможно без поддержки армии и авторитарного (формально/фактически) государства, которое силовыми методами вынуждено объяснять «преимущества» нового порядка доведенной до нищеты «игрой рыночных сил» части населения.

В-третьих, возрастающие сомнения вызывает сама пригодность западной демократической модели для внедрения в арабских странах. Главные причины «межцивилизационной расстыковки» состоят как в том, что, по определению бывшего короля Саудовской Аравии Фахда, «демократическая система не подходит для ближневосточного региона, т.к. уклад и традиции его народов отличаются от остального мира» [12, р. 33], так и в том, что сам процесс эволюции политической мысли на Ближнем Востоке происходит в социальной среде, не являющейся ни либеральной, ни плюралистической, ни демократической. Автохтонная же природа самобытной исламской демократии остается непознанной. Европейской гуманитарно-исследовательской традиции, с присущими ей методами объединения демократических и эмансипированных тенденций в обществе и истории, до сих пор непонятны действующие в лоне ислама глубинно-демократические импульсы и закономерности.

Как, скажем, можно перевести на светский язык европейских политологов-обществоведов видение роли государства и общества исламскими фундаменталистами. Ведь с их точки зрения в идеальном обществе «правоверных» («Дар аль-Ислам») гражданское общество автономно от государства, меньшинство автономно от большинства, а сама государственно-политическая модель базируется на религиозном плюрализме в отличие от вестернизированной формы государственности в арабо-исламском регионе, которая ограничивается бюрократической системой суверенитета на определенной территории? [6, р. 424–426].

Созданная по европейским шаблонам в странах Востока демократическая модель содержательно не менее далека от ее западных аналогов, чем авторитаризм. С 1989 до 1999 г. в регионе Ближнего Востока состоялось свыше 80 различных выборов, в которых приняло участие от 69 до 90% электората [4, р. 199–217]. Однако они не стали отражением процессов либерализации политической системы. Ведь по мнению не только арабских приверженцев «общества устоев» (салафитов), но и многих политологов в мусульманских странах западных образцов демократии быть не должно, потому что они несовместимы с исламом. В тех же арабских странах, где демократические принципы и нормы записаны

в конституции, на практике демократия – театрализованный спектакль. «Выборы в арабском мире – это фарс, безобразный маскарад. Все арабские демократии характеризуются практически единодушной поддержкой правителя, кем бы он ни был» [8, р. 58–59].

Например, сам факт успешного проведения демократических президентских выборов в 1999 г. в Египте, Тунисе, Йемене и Алжире не может затмить феномена формальности самой избирательной процедуры. При этом следует принять во внимание, что президент Египта Х. Мубарак был избран на четвертый срок, Бен Али в Тунисе – на третий, А. Салех в Йемене – на второй. И, вдобавок, Х. Мубарак был безальтернативным кандидатом, А. Салеху противостоял один кандидат из его же партии, а в Тунисе к выборам были допущены два представителя мелких политических группировок, которые набрали 0,6% голосов. В Алжире же 6 претендентов от оппозиции сняли свои кандидатуры [Там же, р. 69]. Естественно, события «Арабской весны» взорвали политическую устойчивость, но лишь на ближайшие годы, в Египте, например, до выступления армии и ареста неугодного Западу президента аль-Мурси. В последующие годы избирательная палитра стала шире и разнообразней, но это не влияет на окончательные результаты выборов.

Большие отличия продолжают существовать в политическом статусе и социальных полномочиях партийных формирований в арабском и евроатлантическом «мирах». Политические партии в арабских странах, даже правящие, как и раньше, абсолютно не влияют на процесс разработки и принятия политических решений как партийной, так и государственной верхушкой. Они выстраиваются вокруг эндогамных структур, которые, в очередь, базируются на клановых обязательствах, нередко общей семейной собственности и родственной солидарности.

Например, не считаясь с существованием в Сирии правящей политической коалиции – Национально-прогрессивного фронта с его авангардом, партией БААС, режим президента Х. Асада в этой стране держался прежде на объединении вокруг семейной группы Асадов–Махлюфов, а также когорты видных алавитов, главным образом из числа военной элиты, за каждым из которых, как правило, стояло соответствующее алавитское племя или клан.

В Сомали же похожая ситуация получила обратное развитие. За фасадом правившей в стране в 1970–1980-х гг. Сомалийской революционной социалистической партии политическое равновесие в обществе поддерживалось благодаря тщательному распределению режимом Мохаммеда Сиада Барре властных полномочий в рамках четкой этно-иерархической структуры правящей элиты, которую составляла верхушка племен

долбахант, марехан, миджуртин и огадени. Именно нарушение трайбалистского равновесия в 1980-х гг. в пользу марехан и в ущерб другим племенам, усиленное обострением отношений между лидерами марехан и родо-племенными кланами исак, дир и хавия, вызвало не только крах режима, но и развал сомалийской государственности.

Что же касается политических и общественных неправительственных организаций – оппозиционных партий, прессы, профсоюзных образований – то и они, преимущественно, развернуты на клановой основе, в соответствии с логикой социально-политической адаптации к самобытной арабо-исламской среде.

Таким образом относительно процессов «демократизирования» арабских народов правящие круги Запада выдают желаемую политическую конструкцию за объективную реальность. В то же время всеохватывающие и устойчивые традиционные отношения в арабских обществах, постоянно воссоздаваясь и отчаянно сопротивляясь любым попыткам уничтожения, отвергают или адаптируют на базе собственных принципов вестернизированные политические системы.

Регламентированная экономическая либерализация, внешние попытки нивелирования культурно-исторических особенностей исламской цивилизации привели не столько к гармонизации евроатлантического и арабо-исламского миров, сколько к их отрицательному синтезу. Вот почему, анализируя реакцию арабских сообществ на трагические события 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке, профессор Университета Джона Гопкинса Ф. Аджамии указал: «Рынки не свели на нет исторические страсти, а столетие мировых высоких технологий еще и не родилось. Однако в противоречивые оскорбленные общества 11 сентября пришло удовлетворение, ... когда триумфатор, который вызывал страх у всего мира, был превращен в пепел и руины нью-йоркских улиц» [2, р. 15–16].

Бесспорное право США, как и любой страны, на противодействие террористическим актам признано международным сообществом. Однако гибкость и корректность американского руководства в решении этой актуальной задачи являются залогом успеха такого решения. В политике Вашингтона, направленной на глобальный ответ международному терроризму, не должна преследоваться цель сакрализации американских национальных интересов на планетарном уровне за счет интересов других народов. А создаваемая действиями развитых мировых держав новая планетарная экономическая архитектура не должна разрушать базовые основы жизни народов арабо-исламского региона, ставить под сомнение право их выбора собственных путей общественного прогресса.

Библиографический список / References

1. Abbas A.J. Management theory in a transitional society: The Arab's experience. *International Studies of Management and Organization*. 1990. Vol. 20. No. 3. Pp. 7–35.
2. Ajami F. The impact of change on stability. *Foreign Affairs*. 2001. Vol. 80. No. 6. Pp. 15–16.
3. Bilbol A. From the “politic” to the “economic”. If economic reform succeeded in Arab World. *Journal of Developing Areas*. 1998. Vol. 32. No. 3. Pp. 361–368.
4. Waldman P. How sheik Omar rose to lead Islamic war. *British Journal of Middle Eastern Studies*. 1999. Vol. 26. No. 2. Pp. 199–217.
5. Guenana N. The Changing Face of Islamic Activism. *Economia International*. 1991. Vol. 44. No. 2–3. Pp. 76–79.
6. Stock F. Intifada. *Economy and Society*. 1997. Vol. 26. No. 3. Pp. 424–426.
7. Ibili A., Enders R., Treicle V. Financial sector reforms in Algeria, Morocco and Tunisia. Washington, 1997.
8. Bellion J. Au nom de la solidarité islangue. *Journal of Democracy*. 2000. Vol. II. No. 3. Pp. 58–69.
9. Haenni P. De quelques islamisations. *Le Figaro economic*. 2000. 20 janvier. Pp. 46–53.
10. Waldman D. Contours et detours du politique. *Le Figaro economic*. 2001. 26 juin. Pp. 81–86.
11. De Sandrine G. Sous la dir. *Les Echos*. 2000. 31 octobre. Pp. 9–10.
12. Political Islam. Berkely, 1997.
13. Al Ahram. 1999. 22 September. (In Arabic).

Статья поступила в редакцию 05.07.2020, принята к публикации 24.09.2020
The article was received on 05.07.2020, accepted for publication 24.09.2020

Об авторе / About the author

Александр Мануэльевич Родригес-Фернандес – доктор исторических наук; профессор кафедры новой и новейшей истории стран Азии и Африки Института истории и политики, Московский педагогический государственный университет

Aleksander M. Rodrigues-Fernandes – Dr. Hab. in History; Professor at the Department of Modern and Contemporary History of Asia and Africa of the Institute of History and Politics, Moscow Pedagogical State University, Russian Federation

E-mail: am.rodrigues-fernandes@mpgu.su